

Александр Сергеевич Пушкин

Роман в письмах

Содержание

1. <Лиза – Саше.>0004
2. <Ответ Саши.>0007
3. <Лиза – Саше.>0009
4. <Ответ Саши.>0012
5. <Лиза – Саше.>0015
6. <Лиза – Саше.>0019
7. <Ответ Саши.>0022
8. <Владимир ** – своему другу.>0024
9. <Ответ друга.>0029
10. <Владимир** – своему другу.>0031

**Александр Сергеевич
Пушкин
Роман в письмах**

1. <Лиза – Саше.>

Ты конечно, милая Сашинька, удивилась нечаянному моему отъезду в деревню. Спешу объяснить во всем откровенно. Зависимость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно Авдотья Андреевна воспитывала меня на равне с своею племянницею. Но в ее доме я всё же была воспитанница, а ты не можешь вообразить как много мелочных горестей неразлучны с этим званием. Многого должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения. Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только чтоб не отличаться от меня, и эта внимательность уж оскорбляла меня. Не уж то предполагают во мне, думала я, зависть или что-нибудь похожее на такое детское малодушие? Поведение со мною мужчин, как бы оно ни было учтиво, поминутно задевало мое самолюбие. Холод-

ность их или приветливость, всё казалось мне неуважением. Словом я была создание пренесчастное и сердце мое, от природы нежное, час от часу более ожесточалось. Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц, дальних родственниц, demoiselles de compagnie[1] и тому подобное, обыкновенно бывают или низкие служанки, или несносные причудницы? Последних я уважаю и извиняю от всего сердца.

Тому ровно три недели получила я письмо от бедной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня к себе в деревню. Я решилась воспользоваться этим случаем. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевны позволения ехать, и должна была обещать зимою возвратиться в Петербург, но я не намерена сдержать свое слово. Бабушка мне чрезвычайно обрадовалась; она никак меня не ожидала. Слезы ее меня тронули несказанно. Я сердечно ее полюбила. Она была некогда в большом свете и сохранила много тогдашней любезности.

Теперь я живу дома, я хозяйка – и ты не поверишь, как<ое> это мне истинное насла-

ждение. Я тотчас привыкла к деревенской жизни, и мне вовсе не странно отсутств<ие> роскоши. – Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, всё это осенью и зимо<ю> немного печально, но за то весной и летом должн<о> казаться земным раем. Соседей у нас мало, и я еще ни с кем не видалась. Уединение мне нравится на самом деле как в элегиях твоего Ламартина.

Пиши ко мне, мой ангел, письма твои будут мне большим утешением. Что ваши балы, что наши общие знакомые? Хоть я и сделалась затворницей, однакож я не вовсе отказалась от суеты мира – вести об нем для меня занимательны.

Село Павловское.

2. <Ответ Саши.>

Милая Лиза.

Вообрази мое изумление, когда узнала я про <?> твой отъезд в деревню. Увидев княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотела поверить ее словам. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой ангел, с новым образом жизни. Радуюсь, что он тебе понравился. Твои жалобы о прежнем твоём положении меня тронули до слез, но показались мне слишком горькими. Как можешь ты сравнивать себя с воспитанницами и demoiselles de compagnie?[2] Все знают, что Ольгин отец был всем обязан твоему и что дружба их была столь же священна, как самое близкое родство. Ты казалось была довольна своей судьбою. Никогда не предполагала я в тебе столько раздражительности. Признайся: нет ли другой, тайной причины твоему поспешному отъезду. Я подозреваю... но ты со мною скромничаешь, – и я боюсь рассердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебе про Петербург? Мы еще на даче, но почти все уже разъехались. Балы

начнутся недели через две. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На днях обедал<и> у нас гости, – один из них спрашивал, имею ли о тебе известия. Он сказал, что твое отсутствие на балах заметно, как порванная струна в форте-пиано – и я совершенно с ним согласна. Я всё надеюсь, что этот припадок мизантропии будет не продолжителен. Возвратись, мой ангел; а то нынешней зимою мне не с кем будет разделять моих невинных наблюдений, и некому будет передавать эпиграмм моего сердца. Прости, моя милая, – подумай и одумайся.

Крестовский остров.

3. <Лиза – Саше.>

Письмо твое меня чрезвычайно утешило – оно так живо напомнило мне Петербург. Мне казалось, я тебя слышу! Как смешны твои вечные предположения! Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую-[то] несчастную любовь – не правда ли? успокойся, милая; ты ошибаешься: я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай как Кларисса Гарлов.

Ты говоришь, что тебе некому будет нынешней зимою передавать своих сатирических наблюдений, – а на что ж переписка наша? Пиши ко мне всё что ты заметишь; повторяю тебе, что я вовсе не отказалась от света, что всё косающееся до него для меня занимательно. В доказательство того, прошу тебя написать, кому отсутствие мое кажется так заметным? Не любезному <ли> нашему говоруну Алексею Р —? – Я уверена, что угадала... Уши мои были всегда к его услугам, а ему только и надобно.

Я познакомилась с семейством * * *. Отец

[балагур] и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка, стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворными собаками, говорит о погоде на распев и с чувством подчуёт варением. У нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами. Я намерена всё это прочесть и начала Ричардсоном. Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочитать хваленую Клариссу. Я благословясь начала с предисловия переводчика и увидя в нем уверение, что хотя первые 6 частей скучненьки, зато последние 6 в полной мере вознаградят терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий, – наконец добралась до шестого, – скучно, мочи нет. Ну, думала я, теперь буду я награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клар<иссы>, смерть Ловла<са>, и конец. Каждый т.<ом> заключал в себе 2 части и я не заметила перехода от 6 скучных к 6 занимательным.

Чтение Ричардс.<она> дало мне повод к

размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек. Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщин не изменяется. Кларисса за исключением церемонных приседаний, всё же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что [способы] нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, которые вечны.

Ты видишь: я с тобою болтлива по обыкновенному – не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мне как можно чаще и как можно более – ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне. Ожидание бала не может с ним равняться.

4. <Ответ Саши.>

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобы смирить твое самолюбие, объявляю, что Р – вовсе не замечает твоего отсутствия. Он привязался к леди Пелам, приезжей англичанк<е>, и от нее не отходит. На его речи отвечает она видом невинного удивления и маленьким восклицанием *oho!*.. а он в восхищении. Знай: спрашивал меня о тебе, всем сердцем жалеет о тебе твой постоянный *admirateur*[3] Владимир **. Довольна ли ты? думаю, очень довольна, и по своему обыкновению осмеливаюсь предполагать, что и без меня ты догадалась. Шутки в сторону, ** очень занят тобою. На твоём месте я бы завела его далеко. Что ж, он прекрасный жених... Зачем не выдти за него, – ты жила бы на Агл.<инской> набер<ежной>, по субботам имела бы вечера, и всякое утр<о> заезжала бы за мною. – Полно тебе дурачиться, мой ангел, приезжай к нам и выходи за **.

Третьего дня был балу К**. Народу было пропасть. Танцевали до 5 часов. – К. В. была одета очень просто; белое креповое платье, даже без гирлянды, а на голове и шее на пол-

миллиона бриллиантов: только! Z по своему обыкновению была одета уморительно. Откуда берет она свои наряды? На платье ее были нашиты не цветы, а какие-то сушеные грибы. Не ты ли ей, мой ангел, прислала их из деревни? Владимир ** не танцевал. Он едет в отпуск. – С. приехали (вероятно первые), просидели всю ночь не танцуя и уехали последние. Старшая кажется была нарумянена – пора... Бал очень удался. Мужчины были недовольны ужином, но ведь они вечно должны чем-нибудь да недовольны. Мне было очень весело, хоть я и танцевала *кот<ильон>* с несносным дипломатом Ст-, который к природной своей глупости присоединил еще рассеянность, вывезенную им из Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчет об Ричардсоне. Теперь я имею об нем понятие. Прочитать его не надеюсь – с моим нетерпением; я и в В.<альтер> Ск.<отте> нахожу лишние страницы. К стати: кажется роман Елены Н. и гр.<афа> Л. кончается – по крайней мере он так приуныл, а она так важничает, что, вероятно, свадьба решена. – Прости моя прел<есть>, довольна ли ты моею сегодняш-

ней болтовнею?

5. <Лиза – Саше.>

Нет, милая моя сваха, я не думаю оставить Деревню и приехать к вам на свою свадьбу<у>. Откровенно признаюсь, что Владимир** мне нравился, но никогда я не предполагала выдти за него. Он аристократ – а я смиренная демократка. Спешу объяснить и заметить гордо как истинная героиня романа, что родом принадлежу я к самому старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь внук бородатого миллионщика. Но ты знаешь, что значит наша Аристокрация. Как бы то ни было, ** человек светский; я могла ему понравиться, но он для меня не пожертвует богатой невестой и выгодным родством. Если когда-нибудь и выйду замуж, то выберу здесь какого-нибудь сорокалетнего помещика. Он станет заниматься своим сахарным заводом, я хозяйством – и буду счастлива, не танцуя на бале у гр. К. и не имея суббот у себя на Анг.<линской> Наб.<ережной>.

У нас зима: в деревне c'est un événement.[4] Это вовсе переменяет образ жизни. Уединенные гуля<ния> прекращаются, раздаются ко-

локольчики, охотники выезжают с собаками, – всё делается светлее, веселее от первого снега. Я никак этого не ожидала. Зима в деревне пугала меня. Но всё на свете имеет свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась с Машинькой ***, и полюбила ее; у ней много хорошего, много оригинального. Нечаянно узнала я, что ** [их] близкий родня. Машинька не видала его 7 лет, но от него в восхищении. Он провел у них одно лето, – и Машинька беспрестанно рассказывает все подробности тогдашней его жизни. Читая ее романы, я нахожу на полях его замечания, бледно писанные карандашом – видно, что он был тогда ребенок. Его поражали мысли и чувства, над которыми конечно стал бы он теперь смеяться; по крайней мере видна душа свежая, чувствительная. – Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман писанный <в> 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу обитую штофом, садимся в атласные пуховые креслы, видим около себя странные платья, однакож знакомые лица, и

узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частью эти романы не имеют другого достоинства. Происшествие занимательно, положение хорошо запутано, – но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р*. Полно ему тратить ум в разговорах с англ<ичанками>! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает.

Маша хорошо знает русскую литературу – вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим стор<онам>, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что В*<яземский> и П*<ушкин> так любят уездных барышен. Они их истинная публика. Я было заглянула в журналы и принялась за

критики Вестн.<ика>** Европы), но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны – смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственность и неблагопр<истойности> сочинения, которые прочли мы все, мы – Санктпетербургские недоτροги!..

6. <Лиза – Саше.>

Милая! мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы дружбы. Тот, от которого убежала, кого боюсь я как несчастья, ** здесь. Что мне делать? голова моя кружится, я теряюсь, ради бога реши, что мне делать. Расскажу тебе всё...

Ты заметила прошедшею зимою, что он от меня не отходил. Он к нам не ездил, но мы виделись везде. Напрасно вооружалась я холодностию, даже видом пренебрежения, – ничем не могла я от его избавиться. На балах он вечно умел найти место возле меня, на гуляньи он вечно с нами встречался, в театре лорнет его был устремлен на нашу ложу.

С начала это льстило моему самолюбию. Я, может быть, слишком это ему дала заметить. По крайней мере он, каждый час присвоивая себе новые права, всякой <?> раз <?> говорил мне о своих чувствах и то ревновал, то жаловался... С ужасом думала <я>: к чему всё это ведет! и с отчаянием признавала власть его над моей душою. Я уехала из Петербурга – думала тем прекратить зло в его начале. Моя ре-

шимость, уверенность в том, что исполнила свой долг, успокоили было мое сердце. Я начинала думать о нем равнодушнее, с меньшей горестию. Вдруг я его вижу.

Я его вижу: вчера были именины ***. Я приехала к обеду, вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры, дамы меня окружают, я со всеми ими перецаловалась. Не замечая никаго, сажусь подле хозяйки, гляжу: ** передо мной. Я остолбенела... Он сказал мне несколько слов с видом такой нежной, искренней радости, что и я не имела силы скрыть ни замешательства своего, ни удовольствия.

Пошли за стол. Он сел против меня; я не смела на него взгляду – но заметила, что все глаза были устремлены на него. Он был молчалив и рассеян. В другое время меня бы очень занимало общее желание привлечь внимание приезжего гвардейск<ого> оф<ицера>, беспокойство барышен, неловкость мужчин, хохот их при собственных шутках, и между тем учтив<ая> холодность и совершенное невнимание гостя... После обеда он ко мне подошел. Чувствуя, что мне было надоб-

но что-нибудь сказать, я спросила довольно не кстати, по делам ли заехал он в нашу сторону «Я приехал по одному делу, от которого зависит счастье моей жизни», отвечал он в полголоса, и тотчас отошел; он сел играть в бостон с тремя старушками (в том числе с бабушкой), а я ушла на верх к Машиньке, где пролежала до вечера под предлогом головной боли. В самом деле, я была хуже чем не здорова. Машинька от меня не отходила. Она в восторге от **. <Он> пробудет у них месяц, или более. Она целый день будет с ним. Право, она влюблена в него – дай бог, что и он влюбится. Она стройна и странна – мужчинам только того и надобно.

Что мне делать, милая, здесь не будет мне возможности избежать его преследований. Он уж успел обворожить бабушку. Он будет ездить к нам – опять пойдут признания, жалобы, клятвы – и к чему? Он добьется моей любви, моего признания, – потом размыслит о невыгодах женитьбы, уедет под каким-нибудь предлогом, оставит меня – а я..... Какая ужасная будущность! Ради бога, дай мне руку: я тону.

7. <Ответ Саши.>

То ли дело облегчить сердце полной исповедью! Давно бы так, мой ангел! Охота же тебе было не сознаваться в том, что я давно знала: ** и ты – вы влюблены друг в друга – что за беда? На здоровье. Ты имеешь дар смотреть на вещи бог знает с какой стороны. Ты напрашиваешься на несчастье – берегись накликать его. Почему тебе не выдти за **. Где тут неодолимые препятствия? Он богат, а ты бедна – пустое. Он богат за двух – чего же вам более. Он аристократ; а ты именем, воспитанием разве не аристократка?

Недавно [спор зашел] о дамах высшего круга. Я узнала, что Р объявил однажды себя на стороне аристократии, потому что она лучше обуваётся. Итак, не явно ль что ты с головы до ног аристократка?

Извини меня, мой ангел, но твое патетическое письмо рассмешило меня. ** приехал в деревню для того, чтоб тебя видеть. Какой ужас! Ты гибнешь, ты требуешь моего совета. Уж не сделалась ли ты уездной героиней. Мой совет: обвенчаться как можно скорее в вашей

деревянной церкви, и приезжать к нам, чтоб явиться Форнариной в картинах, которые затеваются у С **. Поступок твоего рыцаря меня тронул кроме шуток. Конечно в старину любовник для благосклонного взгляда уезжал на 3 года сражаться в Палестину; но в наши времена уехать за 500 верст от Петербурга, для того чтоб увидеться со владычицею своего сердца – право много значит. ** достоин награды.

8. <Владимир ** – своему другу.>

Сделай одолжение, распусти слух, что я при смерти болен, я намерен просрочить и хочу соблюсти всевозможную благопристойность. Вот уж две недели как я живу в деревне и не вижу как время летит. Отдыхаю от Петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру – Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. – Тем и я кончу. Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню. – Звание помещика есть та же служба. Заниматься управление<м> 3-х тысяч душ, коих всё благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...

Небрежение, в котором оставляем мы на-

ших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ним<и> прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы [оставляем] их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застает в нужде и в хлопотах.

Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по-миру. Древние фамилии приходят в ничтожество: новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна <фамилия> не знает своих предков. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю. Но пора положить ему преграды.

Я без прискорбья никогда не мог видеть унижения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: Гр.<ажданину>Ми<нину> и кн.<язю> <Пожарскому>. Какой К.<нязь> П.<ожарский>? Что такое гр<ажданин>

Ми<нин>? Был Окольникович кн<язь> Дм.<итрий Михайлович Пожарский> и мецц<анин> Козь<ма> Минич Сухор<укой>, выборный чело<век> от всего Г<осударства>. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не сущ.<ествует>. Жалкой народ!

Аристократия чин<овная> не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями<ми> народа. Но каковы семейственные воспоминания у детей коллежского асессора?

Говоря в пользу аристократии, я не корчу англ.<ийского> лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: *Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme.*[5] Всё это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но признаюсь, дай бог им промотаться как нашему брату. Какая дикость! для них не

прошли еще времена Ф.<он> Визина. Между ими процветают еще Простаковы и Скотинины!

Это впрочем не относится к родственнику, у которого я в гостях. Он очень добрый человек, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая девочка. Ты видишь, что я стал очень добр. В самом деле с тех пор как я в деревне, я стал отменно благосклонен и снисходителен – действие моей патриархальной жизни и присутствия Лизы ***. Мне было скучно без нее не на шутку. Я приехал уговорить ее возвратиться в Петербург. – Наше первое свидание было великолепно. Тетка м<оя> была именинница. Всё соседство съехалось. Явилась и Лиза – и едва поверила самой себе, увидев меня... Она не могла же не признаться, что я приехал сюда только для нее. По крайней <мере> я постарался дать ей это почувствовать. Здесь мой успех превзошел мои ожидания (что много значит). Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, «А потому что п<атриотки>». Мужчины отменно недовольны моею fatuité indolente,[6] которая здесь еще новость. Они

бесятся тем более что я чрезвычайно учтив и благопристойен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство – хотя и чувствуют, что я нахал. Прощай. Что делают наши? *Servitor di tutti quanti*[Покорный слуга всех их, вместе взятых. (итал.)]. Пиши ко мне в село **.

9. <Ответ друга.>

Поручение твое мною исполнено. Вчера в театре объявил я, что ты занемог нервическою горячкою, и что вероятно тебя уже нет на свете, – итак пользуйся жизнью, покаместь еще ты не воскрес.

Твои нравственные размышления на счет управления имений радуют меня за тебя. То ли дело

*Un homme sans peur <et sans reproche>
Qui n'est <ni roi, ni duc,> ni comte
<aussi>[7]*

Состояние помещика, по-моему, самое за-
видное.

Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей.

<.....>
.....>

Пустившись в важные рассуждения я со-

всем забыл, что теперь тебе не до того – ты занят своею Лизою. Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на *si-devant*[8] гвардии хрипуна 1807 г. Покаместь это недостаток, скоро ты будешь смешнее генерала Г**. Не лучше ли заранее привыкнуть ко строгости зрелого возраста и добровольно отказаться от увядающей молодости? Знаю, что проповедаю втуне, но таково мое назначение.

Все твои друзья тебе кланяются и очень жалеют о преждевременной твоей кончине – между прочим и прежняя твоя приятельница, которая возвратилась из Рима, влюбленная в папу. Как это на нее похоже и как это должно тебя восхитить! Не приедешь ли для соперничества *cum servo servorum dei*. [9] Это было б похоже на тебя. Я всякой день стану тебя ожидать.

10. <Владимир** – своему другу.>

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, но ты отстал от своего века – и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы не снимая шпаг – нам было неприлично танцевать, и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это всё переменялось. – Французский кадрили заменил Адама Смита, [всякой] волочится и веселится как умеет. Я следую духу времени; но ты неподвижен, ты *si-devant, un homme*[10] стереотип. Охота тебе сиднем сидеть одному на скамеечке оппозиционной стороны. Надеюсь, что Z – обратит тебя на истинный путь: поручаю тебя ее Ватиканскому кокетству. Что касается до меня, я совершенно предался патриаршей жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешними помещиками, играю с старухами в бостон по копейке и сер-

жусь когда проигрываюсь. С Лизою вижусь каждый день – и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть выш.^{<его>} петербургского общества, а между тем – что-то живое, снисходительное, добродородное (как говорит се бабушка), ничего резкого, жесткого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок перед ревен^{<ем>}. Она слушает и понимает – редкое достоинство в наших женщинах. Часто удивлялся ^{<я>} тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем очень любезных. Часто сам^{<ую>} тонк^{<ую>} шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграму или неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид ими принимаемый так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит.

Это испытал я с Еленой^{***}, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало. Кроме Лизы есть у

меня для развлечения <Машинька ***>. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скир<дами>, воспитанные нянюшк<ами> и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там – мнения своих мужьев.

Прощай, мой милый; что нового в свете? Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня):

*Глупа как истин<a>, скучна как со-
вер<шенство.>*

Не лучше ли:

*Скучна (как истина, глупа как совер-
шенство.)*

То и другое похоже на мысль. Попроси В. приискать первый стих и отныне считать меня поэтом.

Примечания

КОМПАЊОНОК.

[^^^]

КОМПАЊОНОК.

[^^^]

ПОКЛОННИК.

[^^^]

4

это целое событие.

[^^^]

5

Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению – черта смешная в выскочке и низкая в дворянине.

[^^^]

томным фатовством

[^^^]

7

*Муж без страха и упрека,
Хоть он и не король, не герцог, и
даже не граф.*

[^^^]

<на> бывшего

[^^^]

с рабом рабов божьих. (лат.)

[^^^]

10

<ТЫ> БЫВШИЙ, человек <стереотип>.

[^^^]